
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ДОМ ГЕРЦЕНА» — «ШКОЛА ГОРЬКОГО» И ДАЛЕЕ ЛИТЕРАТУРА В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ К 85-летию создания Союза писателей СССР

Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.

Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»

◆ ...Это эпизод «Преступления и наказания», относящийся к первой (из трех имевших место быть) беседе Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем. Здесь Родион Романович развивает перед проницательным приставом — психологом погубившую отставного студента-юриста «наполеоновскую теорию» о разделении людей на «обыкновенных» и «необыкновенных», то есть *Uebermensch* 'ей в философии Фридриха Ницше. Но Достоевский завершил роман в 1866 году, когда «певец сверхчеловека» еще только изучал теологию в Боннском и в Лейпцигском университетах, а Федор Михайлович уже показал художественными средствами крах категорического императива деления человечества на «обыкновенных» и «необыкновенных» в части дозволенности последним преступать нормы морали. Но мы-то не в таком контексте взяли эпиграфом слова Достоевского. Вовсе нет! Гениальнейший из провидцев в части ближней, на век — полтора, социальной эволюции человечества, включая даже высокую политику и экономику (см. «Дневник писателя»), Достоевский в двух предложениях обосновал возможность и необходимость существования биоэволюционного закона о выделении из общей численности человечества определенной нормы *самодостаточно* мыслящих людей. Ныне этот закон уже *a priori* принят социобиологией. Одно из <возможных> доказательств см. в томе* нашей 16-томной (на настоящий момент) монографии «Живая материя и феноменология ноосферы». То есть речь идет не о пресловутых *Uebermensch* 'ах, но о тех 8 % людей, что, независимо от пола, расы, воспитания, образования и пр., именно *самодостаточно* мыслят, то есть обладают качеством объективной оценки в своем разуме и памяти объектов и процессов отображения реального мира.

Предвидя в наш век глобалистского лицемерия возмущение всякого рода «толерастов», «гендернистов», «политкорректантов» и иных либеральных поборников общечеловеческих ценностей (то есть долларов и евро...), спешу оправдать — не себя, но современные разделы биологии, «ответственные» за социально-эволюционные процессы в среде человечества: законы биоэволюции, тем более эволюции высшего создания природы — человека, мудры и неоспоримы. Если бы качество самодоста-

* Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А. И. Субетто.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 506 с. (в электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

точности мышления было дано всем стопроцентно, то... имели бы описанный в Ветхом Завете эффект <неудавшегося> строительства Вавилонской башни. Дальше объяснять? — Полагаю, не надо. Сомневающийся же пусть обратится к «Апологии христианства»; см. ссылку выше.

...А начали мы потому так издавека, присовокупив и авторитетное, провидческое мнение Достоевского, чтобы не было сомнения во всем известном утверждении: писателями, конечно, не рождаются, ими становятся, но самодостаточность мышления, как основа основ носителя творческого художественного импульса, все же есть «игра природы», генофенотипически выделяющей в бесконечной череде поколений грядущие гении, таланты, самобытности и пр.— см. принятую в обиходе «табель о рангах» в писательском цехе.

Особенно это относится к поэтам. Не в обиду будет сказано мастерам прозаических жанров: если последними можно стать, имея, конечно, упомянутые генофенотипические задатки в конституции своего мозга, особенно в части правого полушария, «ответственного» за творческое, аналоговое мышление, глубоко и трудолюбиво усвоив каноны творческой культуры, то поэтом все же следует родиться. Как, например, надо родиться певцом или музыкантом. И здесь уместно косвенное, общепринятое (если только великий афорист Бернард Шоу это не сформулировал...) в подтверждение сказанного: лучшими прозаиками становятся «уставшие» от рифмования поэты — как у Пушкина: дескать, старею, к прозе тянет,— то, увы, лучшими поэтами не становятся даже выдающиеся прозаики по призванию. Опять же без обид.

Но родиться, что называется, в потенции писателем, неважно, прозаиком, поэтом, драматургом, есть лишь первая ступенька высоченной лестницы творческого познания и, главное, самовыражения, подставленная музами от источников Иппокрена и Кастальского ключа в Пиэрии, на Геликоне и в Дельфах. А вот дальше: плыви, малец, сам и добрайся, рассекая воды, до далекого берега признания, славы... или просто творческого самоутверждения.

Таковыми ли аллегориями мыслил Алексей Максимович Горький, замышляя Союз писателей, другими ли, но по своей нелегкой судьбе обретения и становления таланта писателя чувствовал, что в социально ориентированном государстве, которым к началу 1930-х годов в полной мере вырисовывался Советский Союз, отбор — в смысле открытие, отыскание — будущих «инженеров человеческих душ», их творческое взросление не может быть оставлено на самотек, если стране позарез нужна новая творческая интеллигенция. Конечно, нынешний либерал фыркнет, прочитав вступительную, программную речь Горького на открытии Первого Всесоюзного съезда советских писателей (Москва, 17 августа 1934 года), но мы их «ослушаемся» и приведем ниже... благо она короткая:

«Уважаемые товарищи!

Прежде чем открыть первый за всю многовековую историю литературы съезд литераторов Советских Социалистических Республик, я — по праву председателя Оргкомитета Союза писателей — разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего союза.

Значение это — в том, что разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира.

Мы выступаем, демонстрируя, разумеется, не только географическое наше объединение, но демонстрируя единство нашей цели, которая, конечно, не отрицает, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений.

Мы выступаем в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии, — отчаяния, вызванного ощущением ее идеологического бессилия, ее социального бан-

кротства, в эпоху ее кровавых попыток возвратиться, путем фашизма, к изуверству феодального средневековья.

Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм — революционного пролетариата,— гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости — от всех уродств, которые на протяжении веков исказили людей труда. Мы — враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма, утверждаемого религией этой богини.

Мы выступаем в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие всех способностей и дарований своих и где рабочие и колхозники ежедневно, разнообразно доказывают свое умение пользоваться этим правом.

Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром.

Наша цель — организовать литературу как единую, культурно-революционную силу.

С гордостью и радостью открываю первый в истории мира съезд литераторов Союза Советских Социалистических Республик, обнимающих в границах своих 170 миллионов человек».

◆ ...Одураченный более чем шестидесятилетним, начиная с хрущевских времен, активным антисталинизмом и почти тридцатилетним современным антисоветизмом — от пропаганды оглуляющих СМИ, нынешний, не мыслящий самодостаточно (см. выше) человек, даже вроде бы и далекий от «либерализма головного мозга», не применит позлословить в части создания Союза писателей СССР: дескать, «выписанный с Капри от полечавших европейских гонораров и пр.». Алексей Максимович явился лишь ширмой для Сталина, одевавшего «в мундиры» всю страну и подобравшегося к дотоле бесхозным сочинителям и так далее. Впрочем, про мундиры-то осторожный кухонный либерал на всякий случай промолчит, случайно выглянув в окно и увидав невиданное разноцветье мундиров современных — от знаменитого кутюрье.

А что касается «идеологического мундира» от Иосифа Виссарионовича для организованных Горьким писателей, то, во-первых, держите в голове ситуацию в мире в середине 1930-х годов; во-вторых, на то у России и своей особый путь, чтобы этот «мундир» хоть в чем-то стеснял творческую свободу истинного таланта, у которого и верховные правители «учились правде жизни». Как Николай Первый говорил искренне в адрес Гоголя, посмотрев «Ревизора», что-де «высек и меня, и всю Россию», так и Сталин, ознакомившись с письмами к нему от Шолохова по поводу перегибов с раскулачиванием, ответил ему всесоюзно статьей в «Правде» о головокружении от успехов и соответствующим постановлением ЦК ВКП(б).

В целом создание Союза писателей СССР было великим и «единообразным» в мировой истории благом для литературного процесса. И вовсе не «идеологическая кормушка», тем более далеко не «тепличные условия», овеществились в горьковском Союзе, но доселе невиданный социальный эксперимент в части стимулирования творческой активности для людей, что не были обделены писательскими способностями (см. *) — К этим-то книгам, если кому интересно наше мнение о целесообраз-

* Яшин А. А. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 годов / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 516 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Яшин А. А. Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). (В электронной форме эти книги см. на сайте www.pz.tula.ru).

ности и творческой продуктивности советской литературы в рамках созданного Горьким Союзы писателей СССР, мы и отсылаем нашего уважаемого читателя.

...И еще вероятен ухмылочный экивок либерализованного гражданина на якобы расцветшую на союзписовских, почти что дармовых, харчах «датскую» и иную верноподданническую литературу. Славны бубны за горами, но ведь неча на зеркало пенять, коль рожа крива, ведь дело организации писателей, во-первых, не имело мирового прецедента; во-вторых, и в главных, случилось все на просторах России-матушки, хотя бы уже и расцветенной серпами и молотами! А значит, уже с успешно подавляемым атавизмом частнособственничества. И вовсе не для оборота речи мы упомянули о «России-матушке», ибо только в ней наличествует «при всех режимах» сочетание несочетаемого: административный бюрократический восторг и сугубая народность масс; «лень впереди тебя родилась», «на работу не напрашивайся» — и тут же истовая христианская мораль, будто только что прослушал «вживую» Нагорную проповедь, и так далее — перечтите «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Писатель тоже человек и ничто человеческое, в том числе негативное, ему не чуждо...

Отсюда и «датские» поэты и прозаики. Драматурги тож. Неча на эту тему и нам бумагу впусую изводить — опять же перечтите «Мастера и Маргариту» в главах о бурной союзписовской жизни. Тем более, когда дряхлеющий Ильич Второй совсем возжи ослабил, то и частнособственничество, в том числе в писательской среде, ожилось. Как будто про эти времена загодя, за сто лет вперед, рассуждал в «Бесах» Степан Трофимович Верховенский (этот персонаж Достоевский ядовитейшее «списал» с известного словоохотливого либерального историка середины XIX века Тимофея Николаевича Грановского, автора «Лекций по истории Средневековья»...): *«Почему это я заметил, — шепнул мне раз тогда Степан Трофимович, — почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»*

Конечно, уже в период развитого социализма и советизма — мы это пишем безо всяких кавычек и ухмылок либеральных! — определенная официозность и «омундиренность» проникла в среду писательства, но, в основном, в руководство Союза и в ряды «проявивших и просиявших», опять же по Салтыкову-Щедрина. Но — и только! А это уже неизбежное явление для всякой соорганизованности, тем более под щедрым попечительством госвласти.

И еще один, крайне щепетильный для советской литературы момент: крайне выраженное поощрительное внимание руководства Союза писателей, здесь уже напрямую наставляемое госвластью, к литературам национальным, число которых в СССР доходило до сотни... настолько поощрительное, что порой казалось, собственно великая русская литература с ее глубокими корнями, феноменом XIX — начала XX веков и так далее, несколько нивелируется на фоне «ста языков». Понятно дело, это относилось по преимуществу к официозу. И само развитие, а зачастую и создание «с нуля», национальных литератур в СССР являлось делом благим как для них самих, так и для государственного строительства, реноме многонациональной страны. ...Словом, дело архитонкое и политичное, но что стало с литературами бывших союзных республик после поражения (именно поражения, а не либерального «распада»!) нашей страны в Третьей («холодной», информационной, сопряженной с массовым предательством власти и пр.) мировой войне? Но поставим вопрос в иной ипостаси: а что стало после этого поражения с <бывшей> великой русской и советской литературой? — А то же самое. Вот уж и не на словах, а самое настоящее нивелирование... Но здесь причиной уже глобализация, к которой мы ниже вернемся, все же dokonчив развиваемую выше мысль на характерном примере.

В начале сентября 1974 года в Колонном зале Дома Союзов (! — одно место проведения чего заслуживает...) состоялся V пленум Правления Союза писателей СССР, посвященный 40-летию его создания. Отметим, что за весь 85-летний, на сегодняшний день, период существования СП СССР и его правопреемников — СП России и МСПС (Международного сообщества писательских союзов) — это был *единственный* юбилей, отмеченный на самом высоком государственном и международном уровнях, в писательской и читательской (а в СССР *читали все!*) среде. К Юбилею Указом Президиума Верховного Совета СССР сразу тринадцать писателей были удостоены звания Героя Социалистического Труда, среди них Валентин Катаев, Вадим Кожевников, Георгий Марков, Борис Полевой (Кампов — так в Указе) и Константин Симонов. Остальные восемь награжденных (каждой сестре по серьгам, как гласит народная мудрость) — представители национальных литератур СССР. По итогам юбилейного пленума была добротна издана книга его материалов*. Как положено, «участники пленума единодушно избрали Почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым» и так далее. А в завершении пленума в Большом банкетном зале Кремлевского Дворца съездов состоялась (а это уже высший разряд!) правительственный прием в честь юбилея. В работе же пленума приняли участие В. В. Гришин, К. Т. Мазуров, М. А. Суслов, П. Н. Демичев и завотделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, то есть государственные деятели, чьи портреты возвышались над колоннами демонстрантов 1-го Мая и 7-го Ноября... И еще представители литератур трех десятков зарубежных стран (правда, без «громких имен»), ЮНЕСКО, международных писательских организаций.

...Мы затем отметили официальную сторону юбилейного пленума, чтобы показать: за внешней «мундирностью», несколько нарочитым интернационализмом (но ведь в СССР он был совершенно искренним?) ярко просвечивала уникальность советского литературного процесса: соорганизованность и госопека органично сочетались с творческой свободой писателя — если только он сам себя не обрекал на добровольное рабство «датского сочинителя», либо нарушал сложившееся к шестидесятым годам джентльменское неформальное соглашение: пиши как хочешь, но, будь любезен, явно не трогай догматы коммунистического учения и «лично руководителей партии и правительства». Ведь это совсем и не сложно?! А если ты талант от рождения и воспитания-образования, то милости просим в члены Союза писателей: это гарантирует тебе впридачу к свободе творчества (см. выше) еще и отсутствие — отвлекающей от собственно творчества — заботы о хлебе насущном. И вступить в члены Союза писателей СССР, учитывая публичность и преобладающую честность литературных руководителей, без таланта и серьезных способностей было практически невозможно: пресловутые блат и «мундирность» не могли расширить то игольное ушко, в которое протеснился бы верблюд...

Конечно, были — но это уже высокая госполитика — некоторые послабления в части новооперившихся национальных литератур, а так — никак! Редчайшие случаи до сих пор тема анекдотов в писательской среде. Помнится только один такой: после ухода из жизни выдающегося советского писателя <имени не буду называть> его потомок, во владении которого оказался огромный, уникальный архив умершего, предложил «обменять» его на свое членство: приходилось и ему, говоря словами Хлестакова, что-нибудь этакое сочинять на досуге. Вроде как сделка состоялась, но опять же для вящей пользы литпроцесса.

Совершенно анекдотично звучала тогда и известная присказка: вступить в Союз писателей адекватно получению докторской степени по филологии. То есть равно-

* Высокое призвание: Материалы V пленума Правления СП СССР, посвященного Первому Всесоюзному съезду советских писателей / Сост. И. Г. Винокуров. — М.: «Известия», 1975. — 208 с., пер.

значное соотношение добычи радия по Маяковскому — годы работы и граммы этого редкоземельного элемента. И когда мне, обычно малодоброжелатели, с иронией советуют «добавить» к имеющимся степеням доктора технических наук и доктора по биологии еще третью — Бог троицу любит, — незлобиво отвечаю, что, как член Союза писателей СССР, такую уже имею — в равноценности.

...Эк куда повело! А почему других «громких» юбилеев писательских за восемьдесят пять лет не случилось? Потому что планеты в нужный ряд не выстроились: 10-летие пришлось на войну, 20-летие — на послесталинский дележ власти в стране, а еще через десять лет опять власть — с Никиты на Ильича Второго — верховным переворотом менялась. Пятидесятилетие пришлось на окончание трехлетней череды похорон престарелых генсеков. Дальше все понятно и без пояснений. Словом, не до того, Федя, было, не до юбилеев...

♦ Провозгласив выше, хотя и несколько странным слогом, апологию Союзу писателей СССР, много посеявшему доброго, разумного и вечного, главное, «подтянувшего» советскую литературу во многом к уровню (здесь своего мнения не навязываю) великой русской словесности XIX — начала XX веков, перейдем к основной теме очерка: о Литературном институте имени А. М. Горького — его основателя и вдохновителя. Литинститут, «Дом Герцена» — «Школа Горького», есть «уникальное в уникальном», говоря несколько коряво. Как единственным в своем роде, организационной структуре и назначении являлся Союз писателей СССР, так и его «подразделение» — Литературный институт*, единственный в мире. Правда, ходили в нашей студенческой среде разговоры, что нечто похожее имелось в ГДР, в Лейпциге, но в каком статусе? — неясно. Явно и уровень не тот, хотя всегда приятно знать, что «не одинок ты под луной» — хотя бы речь и идет об учреждениях...

О Литературном институте так много (и многими! — все же люди пишущие в нем учились...) написано, в том числе и самым знаменитым его ректором в 1960—80-х годах Владимиром Федоровичем Пименовым («Свидетели живые», М., Современник, 1978), что теряешься: а как это отразить в кратком очерке? — Не «растекаясь мыслью по древу». А если это «сузить» до своих впечатлений? — Пожалуй, это правильно; всегда лучше и полезнее для <задуманного> дела следовать первоисточнику, то есть самому себе. Тем более, что учился в 1975—81 годах в самую блестящую пору Литературного института: в изданных к 75-летию института двух солидных томах воспоминаний** во второй книге 550 страниц (из 854-х) так и озаглавлены: «Под знаком Пименова». Поскольку во второй половине двухтысячных годов и начале 2010-х наши «Приокские зори» крепко творчески дружили с руководством Литинститута (нынешнее, увы, дружить желания не проявляет...), то меня и юбилейной медалью не обошли, и мои воспоминания о годах учебы поместили во вторую книгу в упомянутый «пименовский раздел».

...Русский человек своеобразно ленив для пользы дела, включая свое личное, поэтому, чтобы заново не изобретать виртуальный велосипед, ниже и помещаю свой материал из «Воспоминаний о Литературном институте», несколько его сократив. Главный же упор в этих заметках при их написании делался не на фактологию, хотя наиболее заметные «штришки» и проскальзывают, но на показе «на себе» той непреложной реалии, что вся деятельность Союза писателей СССР, масштабно отобра-

* Именно подразделением являлся Литинститут: будучи государственным образовательным учреждением, он входил в структуру Союза писателей СССР, о чем свидетельствовала тисненая золотом надпись на обложках наших студенческих билетов. ...Это как сеть высших партийных школ также относилась к КПСС — тоже по статусу общественной организации. Как и Союз писателей...

** Воспоминания о Литературном институте. В 2-х кн. / Редактор-сост. С. В. Молчанова. — М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008; Кн. 1.— 639 с.; Кн. 2.— 854 с. (К 75-летию Литературного института им. А. М. Горького, 1933—2008).

жавшаяся на жизни Литинститута, вращалась «на оси творчества». Поступление же в «Школу Горького» даже на промилле не соотносилось с «мундирами», «звонками» и прочей «блатхатой», что в послесталинские, а особенно в 1970—80-е годы, все более становились неписанным законом. К сожалению великому... А поступление и учеба в Литинституте тогда являлась прерогативой способностей и талантов.— Для всех и вся: хоть из Чухломы, из тундры, из «столичных университетских центров».

Итак — к воспоминаниям, хотя бы и написанным десять лет назад.

Инженер. Поиски себя. Литературный институт. После окончания технического института некоторое время ощущалось что-то вроде пустоты. «Красного» диплома, как когда-то школьной медали, я не получил, ибо имел по курсовой работе на третьем курсе «уд» (этот преподаватель сейчас работает, мы с ним дружески здороваемся и ностальгически вспоминаем былое), которую исправлять из принципа не желал. Однако по баллам был первым из ста двадцати выпускников факультета. Почему-то выбрал распределение (это на пятом курсе, еще не был женат) в Загорск, потому и попал туда на преддипломную практику. Однако тему диплома выбрал себе сам — чисто математическую, по конформным отображениям: есть такой раздел в теории функций комплексного переменного — с «притянутым» приложением к радиотехнике. Очень мне этот раздел математики понравился, потому изучил его самостоятельно и в чем-то доразвил. Во всяком случае, послал дипломную работу на рецензию (по своей инициативе) ректору Ковалеву в Минский радиотехнический институт; тот, известный авторитет (не в нынешнем понимании этого слова), не только одобрил, но и позвал к себе в Минск в аспирантуру. Конечно, не поехал. Впоследствии, слегка дополнив дипломную работу, защитил ее в Московском авиационном институте в качестве диссертации кандидата технических наук. Но это было позже. Пока же, женившись, перераспределился в Тулу, в только что образовавшееся Специальное конструкторское бюро точного (понятно какого) машиностроения при Тульском заводе точного машиностроения инженером-конструктором.

Да, еще добавлю: за время учебы в институте и потом еще четыре года стихов, романов, новелл и пр. не сочинял, даже в голову не приходило, зато активно начал публиковаться в научных изданиях, в том числе и в наиболее престижных в области радиотехники.

Итак, инженерная жизнь, но фактически научно-исследовательская работа, началась с пустоты, с поиска самого себя. Обычно этот период жизни у мыслящих людей (у немыслящих он проходит мимо) относится к 16—18-летнему возрасту, у меня — на 5—6 лет позже. Почему? Наверное, так и должно быть у русских людей (из староверов тем более), которые, по словам остролова Бисмарка, «долго запрягают». Вот южные люди — те наоборот, быстро запрягают, но в скачке уже к тридцати годам выдыхаются, правда, успев занять руководящие и иные, блага дарующие, посты... Это так, к слову.

Не то что сама работа не нравилась — не нравился дотошно-рутинный ее характер, душа требовала более творческого дела. А внешне жизнь не такая уж скверная: семья родительская и своя уже минисемья, поездки летом в колхоз-совхоз, почти второй отпуск, друзья-коллеги. Тогда молодые инженеры много читали, особенно из литературной периодики, ходили в недурной тульский драмтеатр, в концертном зале филармонии не пропускали ни одного выступления заезжих знаменитостей из столиц: от скрипичных и симфонических оркестров до вечно молодого (увы, недавно почившего) Олега Лундстрема с его диксилендом.

Для разнообразия жизни осенью 1973 года поехал в Ленинград и поступил в ЛГУ на заочное отделение математико-механического факультета: систематизировать свои знания в математике, но оказалось, что почти все изучаемое там мне более-менее знакомо. А самое главное — для заочников общежития не имелось, приходи-

лось останавливаться в «частном секторе общежития», то есть в Озерках.— Это где попа Гапона повесили революционеры...

Ехать от Финляндского вокзала на электричке или на трамвае недолго, но жить приходилось в старинных двух-, трехэтажных деревянных домах, дореволюционных летних дачах генералов и заводчиков, заселенных миллионами особо ядреных клопов. Перестал я на сессии ездить, хотя Ленинград с детства любил. Через год с небольшим, ранней весной, читая свежий номер «Литературки», обратил внимание: Литературный институт им. А. М. Горького СП СССР объявляет творческий конкурс для отбора кандидатов на поступление на первый курс. Что такое Литинститут — в общих чертах раньше знал, но дальше этого любопытство не шло. А тут что-то задумался; правда, в условиях конкурса значилось представление для прозаиков двух авторских листов этой самой прозы... а у меня ее (равно как и стихов) не было ни единой строчки. Но даже не этот факт меня беспокоил, а указание: материалы представляются в машинописном виде. Где взять эту самую машинку? Однако ответ на главный вопрос нашелся через полчаса: после «Литературки» прочел местный «Коммунар» и нашел объявление горуправления службы проката: «Граждане могут взять на требуемый им срок телевизор, стиральную машину, ...детскую коляску отечественного и импортного (ГДР) производства, *портативную печатную машинку*». В записке имелось пять рублей, и в ближайшем пункте проката на месяц взял машинку.

И целый месяц по вечерам, после работы, тюкал в клавиши сначала одним пальцем, потом двумя указательными, но через неделю творческой практики уже сносно печатал всеми, исключая большие и мизинцы. С писчей бумагой тогда был дефицит, поэтому пятьдесят листов хорошей бумаги обменял на коробку «Птичьего молока» местной кондитерской фабрики у отделческой секретарши Ниночки.

Писал-печатал нечто мрачное (перед этим начался «дефицитного» Кафки и трактатов любимого мною Метерлинка: «Разум пчел», «Разум цветов» и др.), что в голову приходило. Отпечатав ровно два авторских листа, запаковал в бандероль и отправил на Тверской бульвар, 25. Летом и вовсе забыл об авантюре, но в середине июля (если не ошибаюсь) получил открытку о прохождении творческого конкурса (как потом выяснил, в том году был конкурс обычный для Литинститута, то есть большой) и официальное письмо о допуске к экзаменам; на заочном отделении, учитывая малую грамотность некоторых будущих инженеров человеческих душ, планку искусственно доводили до соотношения 2:1; на очном — чуть повыше.

К экзаменам я, понятно, не готовился, ибо литературу и историю знал, русский язык — если его знаешь, то и напишешь сочинение грамотно, а немецкий язык, сколько я в «своих университетах» ни сдавал вступительных, переводных и государственных экзаменов по инязы, со школьных лет даже для приличия не повторял: Маргарита Григорьевна в школе хорошо вдолбила. Причем по-немецки (равно по-английски, по-китайски и пр.) не говорю и не читаю, но экзамен могу запросто сдать. В СССР иностранный язык был нужен только разведчикам, диссидентам и учителям иностранного.

Экзамены сдал, как всегда, отлично, при этом помог сдать немецкий еще двум-трем из будущих однокашников. Заодно с поступлением понял, что в столице надо держать себя осторожнее, нежели в простодушной, хотя и ближней, провинции. Когда в первый раз — прямо с тульской электрички и с пожитками — явился на Твербуль-25, сдал в приемную комиссию документы и получил направление в общежитие, то решил передохнуть, покурить и сел на бульварную скамейку. Ко мне подсел парень, который до этого на территории института задумчиво осматривал памятник Герцену. Парень как парень, но со странными темно-голубыми глазами. Познакомились. Я кратко рассказал о себе, а он со счастливой улыбкой сообщил: четыре раза поступал в Литинститут, а в этот раз не удастся: мать куда-то упрятала аттестат и не дает его. С той же сча-

стливой улыбкой он стал комментировать проходящих по аллее бульвара людей, явно вышедших из нового здания МХАТа, что напротив Литинститута:

— ...А вот наш Марк куда-то торопится, и сама Алиса с Егорушкой заболталась...

Про Марка и Алису я еще сообразил, что имеются в виду Захаров и Фрейдлих, а вот кто такой Егорушка? — Стыдно мне, провинциалу, стало.

Далее собеседник предложил мне продолжить приятный разговор и проводить меня до общежития, благо он сегодня отпущен на целый день.

— Откуда отпущен?

— Да из психбольницы. Меня мама туда на профилактику по осени и весне кладет...

Я спешно поднялся со скамейки, подхватил свою сумку, при этом поперхнувшись табачным дымом.

Общежитие Союза писателей в Останкино не то что поразило своим основательным обликом, но по сравнению с архаичными строениями Твербуля-25 выглядело монументально.

Войдя в определенную мне комендантшей комнату, застал там остальных трех поселенцев. Один из них сразу назвал меня земляком (двое других были из Сибири; оба не поступили), ибо сам был из Калуги — Толик Кузьмичевский, ныне известный в Москве поэт. Он только что, по его словам, «расплевался» с калужским обкомом комсомола, где трудился в отделе культуры, имел, как и я, высшее образование. Кстати, на второй год обучения он дополнительно поступил заочно еще и на «факультет Ясена Засурского», то есть факультет журналистики МГУ. Крайне деловой человек и хваткий, он все годы совместной учебы в Литинституте жил вне общежития, потом и вовсе женился. Учился он в семинаре Старшинова, не на плохом счету. После окончания института мы с ним как-то раз виделись в Туле, куда он приезжал в Приокское издательство за версткой своей поэтической книжки. Позже он, по моей просьбе, «сосватал» меня в издательство «Современник», но Баранова-Гонченко мой роман «В конце века» не пропустила. И еще как-то в «Литературной газете» (если не ошибаюсь) прочитал рецензию на его стихи; рецензента почему-то взволновала строка: «...И на ночь кладу под подушку топор»...

А так все годы учебы, то есть месячные осенние и весенние сессии я проводил в компании «хохлов», как прозвали нашу компанию однокашники, хотя таковым был только один — прапорщик из Ивано-Франковска. Виктор Гриваков из Змиева (только что переименованного в Готвальд), что под Харьковом, даже на восточного хохла не тянул; Саша Пытько — белорус из Молодечно, а Виталий Игитов и вовсе из Кировской области. С началом самостоятельности первые трое как в воду канули*, а фамилию Витальки как-то встретил в предвыборной газете Жириновского — он там значился кировским воеводой от ЛДПР.

...Прервусь в воспоминаниях. Только что узнал: умер на 82-м году жизни старейший тульский писатель Николай Константинович Дружинин, мой хороший знакомый, участник ВОВ, почетный гражданин Тулы и Могилева — за романы об обороне этих городов, а Могилев он и сам оборонял. Вечная ему память!

...На заочном отделении учились в основном уже имеющие высшее образование; были и кандидаты наук. Из последних самая яркая фигура — кандидат медицинских наук, заведующий отделением скорой психиатрической помощи больницы им. Склифосовского... вот за временем фамилию запомнил, что-то навряде как Кирюшин, во всяком случае, никто его в институте трезвым не видел. Но в его лице я

* Уже после публикации этих воспоминаний «отыскался след Тарасов»: Пытько — завлит. Белорусского драмтеатра в Молодечно, а Игитов — зам. главреда областной (республиканской) газеты в Йошкар-Оле...

единственный раз в жизни видел человека с абсолютной памятью: в любой степени обычного его состояния. Видимо, это-то обычное состояние и свело его в могилу вскоре после окончания Литинститута. Еще он был знаменит тем, что имя его входило в первые строки списков *персон нон грата* всех западных стран, ибо он по должности (в компании майора КГБ и участкового милиционера) присутствовал при аресте московских диссидентов. От него мы узнали, что все они были с изрядной мозговой придурью, лишь единицы «косили».

Редко видел трезвым и своего земляка — из села Гремячево, что близ Новомосковска, — однокурника Володю Суворова. Потом мы с ним встречались на собраниях Тульской писательской организации. Пожалуй (и это не только мое мнение), он был самой большой поэтической звездой тульской, да и не только тульской, поэзии. Несколькими годами назад он умер: «помогла» сорокаградусная и нажитые от нее болезни.

Еще на курсе учился известный — и ныне, и тогда уже — поэт Олег Кочетков из Коломны. Серьезный в жизни человек, мы с ним сдружились. Кто еще из наших «вышел в люди?» — Татьяна Набатникова (уже давно живет в Москве), Курносенко из Новосибирска, Михаил Устинов из Ленинграда (сейчас, кажется, в Пскове); видел его фото в лауреатском списке «Молодой гвардии». Драматург Николай Мишин создал в 90-е годы в Москве издательство «Палая». Яков Андреев из Свердловска, которого Сапгир направлял на детскую поэзию, на третьем курсе «сделал» мне первую в жизни литературную публикацию — рассказ «Сизиф» в «Уральском следопыте». Некоторые из имен однокашников встречаю на страницах Российского автобиографического ежегодника «На пороге XXI века», издаваемого Л. В. Ханбековым в последние годы.

В здании общежития размещалась и гостиница Союза писателей, поэтому иногда в комнатах нашего студенческого этажа вспыхивало веселье — приходил кто-то из именитых в гости к землякам; как-то в соседней комнате, где, кстати, проживал и Володя Суворов, до утра слышался голос Тряпкина. Бывали и другие.

Литературную братию хлебом не корми, но дай позлорадствовать над более удачливым. Так весь наш курс оказался свидетелем конфуза «живого классика». По томному сентябрьскому времени в перерыве между лекциями студенческая братия расселась по скамейкам вокруг памятника Герцену, и видели все: въехала во двор со стороны Большой Бронной черная «Волга». Вышел из нее Евтушенко и направился в Дом Герцена. А через четверть часа вылетел пулей с пунцовым от злости лицом, сел в машину и был таков.

Уже на следующей перемене все хихикали. Оказывается, ЦК ВЛКСМ почти испросил у старшего брата — ЦК КПСС — разрешение на издание поэтического «толстого» журнала «Московское кольцо» (или что-то в этом роде) под редакторством сначала певца Сталина и станции Зима, потом ударных строек и так далее. О чем сейчас поет (забыв свои же клятвы: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати...») профессор американского университета?* — То неведомо.

Оба ЦК стояли твердо на одном: главный редактор должен иметь высшее литературное образование. Вот наш Евгений, вспомнив, что в Литинституте он числился, приехал к ректору Пименову с просьбой выдать ему диплом. Но Владимир Федорович с улыбкой посмотрел на кумира тинейджеров от поэзии, посоветовал восстановиться на соответствующем курсе и, не торопясь, сдавать зачеты, контрольные работы, экзамены тож. Вот и вылетел наш Евгений из бывшей городской усадьбы Яковлева — дядюшки Герцена — с пунцовым лицом.

...В общежитии пожилая вахтерша в добрый вечерний час рассказывала нам, как хорошо играл на гармошке Коля Рубцов, а также другие истории о нем, в том числе и вошедшую в фольклор Литинститута: как некий эфиопский князь, тоже учившийся

* Напомню: эти воспоминания писались десять лет назад...

на поэта, нарочито разбил об угол общежития свой «Форд» после слов Рубцова о качестве его (эфиопской) поэзии.

Из преподавателей особо запомнились литературоведы и критики Ю. Селезнев, М. Еремин и В. Гусев, непревзойденная знаток античной литературной традиции Аза Алибековна Тахо-Годи, ряд других.

В нашем прозаическом семинаре были представлены как национальности, так и профессии: татарка Галия Максина из Челябинска, уже упоминавшийся белорус Пытько, ассирийка (айсорка) из Кутаиси Джульетта Ивановна Бит-Каплан; врачи Курносенко и она же — Джульетта, рабочий Саша Пытько, были инженеры, учителя; Галия трудилась литсотрудником на областном радиотелевидении.

Эту разношерстную компанию наставлял на путь истины благополучной Борис Михайлович Зубавин, патриарх советской литературы, в войну капитаном штурмовавший Берлин, некоторое время возглавлявший только что созданный журнал «Наш современник». Скуп, но меток был наш седовласый Учитель на слова: «Галия! Хватит писать об абортах. Курносенко — не мудрствуй лукаво. А Яшину пора в своих писаниях вылезать из тульских пивных... хотя, как помнится, тульское «жигулевское» одно из лучших». И так далее, главное — «пишите о людях хороших, плохие и без того на виду!»

А так все больше слушал, как молодые петухи умеренно критикуют друг друга — так называемый перекрестный разбор написанного. И еще наставлял: «Пишите без оглядки на какую-то там цензуру, без мата, конечно. Я вот что написал, то все и напечатано. Дурь эту кто-то выдумал: писать в ящик стола...» Скучновато ему с нами было, умудренному и отягченному годами и опытом жизни. Оживлялся только, когда кто-либо провокационно о любимом его внуке спрашивал:

— Борис Михайлович, а вы внуку с гонораров деньги даете на конфеты?

— А как же! И достаточно даю.

Еще он любил подолгу рассказывать о сыне — враче космической медицины, как он его рекомендовал.

Ушел из жизни он к концу нашей учебы, а последний год наш семинар формально возглавлял Семенов (один из Семеновых, но не Юлиан...), я его ни разу не видел, так как одну сессию, последнюю, пропустил по семейным делам; досадовал позже; почему-то запомнил зачет по киноискусству — автору знаменитого «Максима»; чем-то я рассмешил его, перевернув цитату из «Юности Максима».

Дипломную работу я составил из повести и десятка рассказов, написанных за время учебы. Позднее она вышла в виде книги «На островах» в Приокском книжном издательстве (1987 г.). Это была моя первая опубликованная художественная книга, но не вообще первая книга, так как за два года до этого центральное издательство «Радио и связь» (Москва) напечатало мою первую научную книгу по микроэлектронике.

♦ *Служение двум музам.* Есть в биомедицине такое понятие — амбидекстр, то есть человек — неважно, слесарь Петр Потапович или министр Герман Громыхалов, — у которого одинаково развиты, или, наоборот, неразвиты, правое и левое полушария головного мозга. Вроде нормальным должен среди людей считаться именно амбидекстр; у него все в полной симметрии, а природа ее любит. Ан нет, любой недоучившийся студент биофака или мединститута, как два пальца об асфальт, докажет: правильный человек — это у которого больше развито левое или правое полушарие, а амбидекстр, как правило, переученный в школе левша, — досадное исключение. Левополушарный — это строгий логик, математик, физик, адвокат Плевако или те, что сейчас *олигархеров* защищают, а также интендантский прапорщик и рядовой американский налогоплательщик. Правосторонние — люди с художественными склонностями: писатели и певцы, художники и эстрадные смехачи-танцоры, наши выдающиеся экономисты и прочие фантазеры. Словом — понятно.

А я, хотя левшой никогда не был, амбидекстр.

С двадцати лет исправно служу двум музам — науке и литературе. В части первой трудовой путь начался в 1971 году: работал в Конструкторском бюро Тулы по тематике спецтехники, в том числе 12 лет — в знаменитом КБ приборостроения, недавно объявленном президентом США чем-то вроде врага Америки. Полтора десятка лет работал в Государственном НИИ новых медицинских технологий первым заместителем директора — зам. по науке, а также профессором кафедр «Электронные вычислительные машины (ЭВМ)» и «Медико-биологические дисциплины» Тульского государственного университета. Доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор по кафедре «ЭВМ», профессор по специальности «Медицинские приборы и системы», академик Академии инженерных наук РФ им. А. М. Прохорова, Академии военных наук и ряда других российских, иностранных и международных академий.

В 2002 году тульский губернатор Василий Александрович Стародубцев вручил мне удостоверение Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Автор 980 опубликованных научных работ, в том числе 50 монографий, изданных в Москве, Харькове, Германии, Туле, 40 изобретений, зам. главного редактора и член редколлегии ряда центральных и международных научных журналов. Почетный радист России. Работаю в области фундаментальных медико-биологических исследований; основатель и руководитель признанной в мире Тульской научной школы биофизики полей и излучений и биоинформатики.

В Союз писателей СССР принят в 1988 году; рекомендовал меня известный писатель Иван Паныкин, автор знаменитых «Легенд о мастере Тычке».

Изданы тридцать книг художественной прозы и литературоведения, печатался в литературных журналах и сборниках, газетах (свыше 500 публикаций). Член редколлегии журналов «Истоки» (Красноярск), «Московский Парнас» и «Новая Немига литературная» (Минск).

Лауреат многих научных и литературных премий.

♦ **Резюмирующие замечания.** Мой художественный метод: критический реализм с учетом всего богатства классической русской и советской литературы. А что есть метод? При этом слове невольно вздрагиваю и вспоминаю своих аспирантов и докторантов (у меня их свыше тридцати защищенных). Если они блестяще отвечают на все вопросы, то встает некий Иван Иванович и «глушит» их вопросом, от которого бедолаге хочется повеситься: «Скажите, милейший, в чем различие между методом, методикой и методологией?» Все это скучно в дидактике, но когда не задумываешься о правилах, то твоей рукой, то есть головой, конечно, незримо управляют те же метод, методика и методология.

Досадно и жаль, что моя вторая книга, она же первый роман «В канцелярии» — еще многотиражная (15000 экз.) — вышла в 1991 году, на перепутье свернувшейся с разума страны. Уже не было литературной жизни, читательской аудитории и всего прочего, что радовало душу писателя после издания очередной книги.

Жаль потому, что, возможно, это одно из самого удачного из написанного мною на сегодняшний день. Писался он на вдохновении почти за десять лет до издания. Причем эти четыреста страниц рукописи я просто записывал, ибо все его содержание... мне приснилось в едином сне, исключая, конечно, имена персонажей. Такое в искусстве и науке часто бывает; например, великий французский математик Анри Пуанкаре, один из создателей теории относительности, свои теоремы доказывал во сне. И биологически это хорошо объяснимо: работа подсознания, в котором до времени, то есть до выхода в активную память, упрятана вся информация, полученная человеком с момента его появления на свет.

Что побудило к созданию на уровне подсознания фабулы и сюжетных линий романа? — А вспомните первую половину 80-х годов? — Бесконечные трауры по последовательно похороненным генсекам, психоз СОИ (Стратегической оборонной

инициативы) — великолепная американская фантазия, на которую клонули наши престарелые (старое животное биологически осторожно и боязливо) партайгеноссе и позволили разрушить Великую социалистическую империю, государство созидания и социальной ориентации. И еще одно нагнетание страха: размещение «першингов» и «томагавков» в Европе. Все в стране, в умах, душах людей стало терять ориентир и устойчивость, к которым уже попривыкли в «золотые» 60—70-е годы оптимизма, сытости и имперской мощи.

Отсюда подсознание и выдало роман-предвидение, в котором в аллегорической форме предугадано то, что произойдет со страной через десять лет: жизнь мирного коммунхозовского учреждения, где постепенно все приросли к столам и стульям, все сгнило и рухнуло в небытие.

Писатели (и читатели, конечно), привыкшие в советское время к сто-, двести-, тристатысячным тиражам издаваемых книг, никак не возьмут в толк: а для кого (и для чего) сейчас печатаются книги в количестве ста или двухсот экземпляров? Тираж в 1000-экз. уже считается «массовым»...

Не надо впадать в уныние тем и другим. Вспомним имевшее место в недавней истории литературы. В самом начале XX века случился феномен норвежской (датско-норвежской, ибо язык здесь один и тот же) литературы: Йенсен, Гамсун, Брандес, Кьеркегор и другие. В Норвегии, где люди только селедку и треску ловили (нефтяных платформ там тогда не было, а разработка железорудных копей на западе страны только начиналась), на триста жителей приходился свой писатель или поэт! Понятно, какие тиражи «имели место быть». И ничего, сейчас мы эту литературу читаем, не забываем.

Зачем далеко — в соседнюю Норвегию — ходить: вспомните бурную литературную жизнь России в первую треть XX века... Главное — не отчаиваться и творить, а время разберет.

Когда начинающий писатель впервые сталкивается с критикой его работ, это является определяющим в становлении его как самого потенциального критика.

Не считая доброй критики Бориса Михайловича Зубавина на литинститутских семинарах, впервые я столкнулся с ней после выхода своей первой же книги «На островах». Рецензия на нее не замедлила появиться в областной газете. На «зубок» книга попала (возможно, в порядке редакционной разнарядки) маститому местному журналисту, поэту и критику *N*.

Очерк назывался издевательски: «Острова на мели». Даже если автор в каких-то моментах пытался сказать что-либо позитивное, то природная или жизнью воспитанная злоба не позволяла. Кстати, несколько лет спустя, в середине 90-х годов, самых бесхлебных и безработных, этот самый *N*, который дотопе не узнавал меня при встрече на улицах и на писательских собраниях, вдруг как-то бросился через дорогу ко мне с радостной улыбкой и рукопожатиями: узнав, что я замдиректора НИИ, попросил устроить на работу жену. Как человек, не помнящий зла, супругу я его к себе устроил. Но *N*, когда случилась обычная в те годы двухмесячная задержка с выплатой зарплаты, явился в НИИ, устроил скандал мне, а потом пошел к директору с воплями и угрозами. Кончилось тем, что директор вывернул все свои карманы и отдал разъяренному *N* все личные деньги, лишь бы он больше не приходил.

...И вот после прочтения этого отзыва-рецензии я четко осознал ранее интуитивно угадываемое: критики в литературе (а впрочем, и вообще в жизни) суть двух типов, причем противоположных: одни ругают все и вся, другие хвалят, но очень умно. И, покопавшись в памяти, вспомнив русскую литературу, оба эти типа критиков обнаружил. Несомненно, Белинский относился к умнейшему направлению, достаточно вспомнить его статьи о творчестве Пушкина. Но вот разночинцы, либеральное направление, мощно заявившее о себе в русской литературе второй половины XIX века... Не зря они все были из поповских семей. Ведь народная мудрость говорит: нет худших ненавистников (веры, пьянства, морали...), чем бывших (вероучителей, пьяниц и т.п.).

Урок тот я воспринял в полной мере. Часто пишу отзывы, рецензии (см. книгу «В час волка»), но пишу добро. Ибо только добром можно увлечь и подвигнуть творческого человека к развитию своих способностей.

♦ ...На такой оптимистичной ноте и заканчивался мой материал во второй книге «Воспоминаний о Литературном институте». Бесхитростно написано, но *in summa* объективно, так что и сейчас, десять лет спустя, вряд ли бы по-другому рука вывела (пишу только «от руки» — не потому что нонконформист — все не в ногу, один я в ногу, — но даже в этом формализме нет желания быть придатком оцифрованного глобалистского мироустройства...).

Все, вспоминающие свои литинститутские годы, непременно отмечают добрый, как в доме родном, демократизм в отношениях между прославленными нашими наставниками и «бурсаками-лицеистами», как правильнее было назвать нашу обучающуюся сочинительству братию, особенно с заочного отделения, которое по сути и являлось в творческом плане основным. Кстати говоря, имелись в истории Литинститута периоды, когда очного отделения и вовсе не было... В этих воспоминаниях непременно приводятся яркие оценки этого доброжелательства. И мы в таковых не отстанем.

...В окончании предпоследней сессии, когда уже все пошашено, дипломные работы на завершающий приезд в Тверьбуль-25 уже вчерне готовы, словом, почти на росстанях, отмечала наша «условно-хохлацкая» (см. выше) комната завершение учебно-экзаменационного месяца. Наутро — разезд по домам. Как положено, накрыли щедро стол, не успели разлить по первой — ан деликатный стук в дверь, входят заглянувшие в опекаемое им общежитие ректор Пименов и декан заочного отделения Таран-Зайченко. Заметим, что тогда молодежь особо водку не потребляла, потому и у нас на тот «монарший визит» на столе красовались где-то с десяток бутылок 0,7 л. ординарного портвешка, по сравнению с которым нынешние 1000-рублевые вина с франко-итальянскими и иными названиями (из пьес Островского: бери, барин, кругом по полтине бутылка, а ярлыков иностранных каких хошь наклеим...), все сплошь порошковой — из недалних мест — фабрикации есть... далее слова неудобные для печати.

Увидев великолепную батарею, занявшую большую часть стола, сталинский «главный по театрам» Пименов схватился руками за голову. «Владимир Федорович! — покаянно вскричали мы, — вот решили скромно завершение сессии отметить. Да мы ведь...» — «Я не о том, — заговорил Пименов, — я о другом: ведь не то, что вы все это выпьете, так еще пару раз за такими же добавками в гастроном на углу слетаете! Поберегите свои желудки и печень, ведь вам еще писателями надо становиться!»

...Полагаю, этого характерного примера достаточно: прямо-таки в наш оцифрованный, административно-бюрократический, цинково-суконный век так и новеяло домашним теплом не столь уж и далеких времен — *творческих времен*.

Но, увы, от «дома Герцена» — «школы Горького», следуя данному нами изначально названию настоящего очерка, чертыхаясь, перейдем в нынешний оцифрованный человеконик, как по аналогии с пчельником, муравейником, термитником поименовал современное человечество выдающийся советский и российский ученый-логик, философ, социолог и писатель А. А. Зиновьев.

И что там за недалеким горизонтом?

Когда-то мы возьмемся за журнал!

Мочи нет хочется...

Из письма А. С. Пушкина

к П. А. Вяземскому, 1825.

♦ Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки свою заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во всероссийский литературный про-

цесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходявшие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее — и в особенности! — через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Еще раз заметим, что в конце XIX вв. этот феномен русской литературы повторила литература норвежская... конечно, в меньших творческих масштабах. Но — это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература — с «обслуживающей» ее критикой и литературоведением — в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при неперменном условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. ...Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью соорганизованности (см. выше). Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма взхлеб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГи с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве шеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? — Все сотни книг «с направлениями» — слева; а справа? — Многоцветье антинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского — а это уже ступень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских либеральных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы — первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившегося грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобо-мире еще топчется на пороге, не желая переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человеичника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: *цифрофрения*.

♦ Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (см. выше) СССР в Третей мировой войне с искусственным возрождением артефакта частнособственничества — и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ...Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его следст-

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто.— Тула, 2016.— 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику).

вий некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий — не только ленинский «иудушка», но и блестящий публицист — «мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику». И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никаких быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежечасно слышим с самых высоких трибун — через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр., и пр.— это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человеку безо всякой нужды — и наоборот, вредно для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! Классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чем ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие — самая яркая окраска бурной глобализации.

Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма,— стремительное возвращение к тому, с чего начали: к салонному разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых все более и более становятся «толстые» литературные журналы и ... региональные отделения писательских организаций — их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безденежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владыки умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с *условно своими* областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодеятельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50...100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» — в силу творческой инерции, как машинист и паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? — Это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время оно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономив на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два-три родственника или знакомца прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались собственным коштом многочисленные романы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше вспомнили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовлению бу-

мажной «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных реноме хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы — только тайно!

... И самому мне доводилось читать такие романы, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на вашу областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

♦ Осталось нам «пройтись» по журналам — вроде как, на первый взгляд, по определению (см. выше слова Пушкина) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия — два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором — «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора — могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы... а впрочем заодно и русской классики. *Pax Americana*, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уважения к героизму издателей нынешних *журналов* мы это слово не закавычиваем, но лишь отличающе от журналов выделяем курсивом. Избави, Бог, подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам таковой редактирую уже четырнадцать лет, а в свой колодец плевать как-то некомильфо. Или демонстративно взывающе. Нынешние журналы — тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Главное, они уравнины во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и — дай, Бог, если таковые имеются! — читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравнили в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее *status quo* устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнильной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул напряжения мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства — трудолюбивого бесталантства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать — были бы деньги, <якобы> творческих союзов много и вступить в них, что в баню сходить...), превращается в губернские салоны — аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? — Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча — писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, много-миллионный, в интернете. ... Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается

по части литературно-художественной. Но вот получаю первый номер за этот год журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя — это лишь версия или?» И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового — самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале — про книги было уже сказано выше — не в расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Еще раз напомним: так по всему миру.

...Явно превышая допустимый объем для современных публикаций (редакции требуют *minimim minimorum!*), все же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие угрожения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вовсе прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: «Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует». Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: «От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПб <дата>. Цензор <духовное звание, имя>». После революции 1905-го года, это когда «царь испугался, издал манифест...», цензуру упразднили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: «Дозволено военной цензурой <дата>». В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, *самоцензуре* авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть позволяла — раз литератор без нее обойтись не может — злостную, конструктивную критику, но не выше должности завгоркомхоза (бессмертный товарищ Саахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное — «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

...Все сказанное, опять же уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее — не в интернете, но в «бумаге» — обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайте!» — И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

*А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты...*

